

Письмо Екатерины Великой къ Сенану-де-Мейлану ¹⁾.

Mai 1791. Mercredi au matin. Je vous renvoie, Monsieur, la feuille et une copie de la comparaison de l'Eglise de Saint-Pierre ²⁾, etc., que vous avez eu la complaisance de me laisser hier.

Voici à peu-près mon portrait. Je ne me suis jamais cru l'esprit créateur, j'ai rencontré quantité de monde auquel j'ai vu sans envie ni jalousie beaucoup plus d'esprit qu' en moi. Il a été toujours très facile de me mener, parce que pour y parvenir il ne fallait que me présenter toujours des idées infiniment meilleures et plus solides que les miennes; alors j'étais docile comme un agneau. La raison de ceci siégeait dans l'extrême désir que j'ai toujours eu que le bien de l'Empire se fit; j'ai eu le bonheur de rencontrer les bons et vrais principes, ce qui fait qu'il s'en sont suivis des fautes auxquelles je n'ai eu aucune part et peut être parce qu' on n'avait pas exécuté avec exactitude ce que j'avais prescrit. Malgré une flexibilité naturelle j'ai su être opiniatre ou ferme, comme on voudra, quand il m'a paru que cela a été nécessaire; je n'ai jamais eu de la rancune, la Providence m'ayant placé de telle manière qu' il n'y avait pas de quoi en avoir contre les individus et que je ne trouvais pas la partie égale de tout peser avec justice.

J'aime en général la justice, mais je suis de l'opinion que stricte justice n'est pas justice et qu'il n'y a que l'équité qui soit supportable à la Faiblesse de l'homme. Mais dans tous les cas j'ai préféré l'humanité et l'indulgence pour la nature humaine aux règles d'une sévérité qui m'a parue souvent mal entendue; à ceci j'ai été menée par mon propre coeur que je crois doux et bon. Quand les vieillards me prêchaient la sévérité, je leur avouais, en fondant en larmes, ma faiblesse et j'en ai vu qui se rangeaient de mon avis la larme à l'oeil aussi. Mon naturel est gai et franc, mais j'ai trop vécu dans le monde pour ignorer qu'il y a des esprits atrabilaires qui n'aiment pas la gaité, et tous les esprits ne sauront comporter la vérité et la franchise. Adieu?

Catherine.

(Сообщилъ С. Фарфоровскій).

¹⁾ Отецъ Сенанка-де-Мейлана былъ главнымъ врачомъ у Людовика XV.

²⁾ Archives du ministère des Affaires Etrangères, Correspondance inédite de Russie
Tome CXXXV.

П Е Р Е В О Д Ъ.

Май 1791. Среда поутру.

Милостивый государь, возвращаю вамъ листъ и копию сравненія церкви святого Петра, и т. д., которые вы были такъ любезны оставить мнѣ вчера.

Вотъ приблизительно, мой портретъ. Я никогда не воображала въ себѣ творческаго ума; я встрѣчала пропасть людей, у которыхъ безъ зависти и ревности замѣчала гораздо больше ума, чѣмъ въ себѣ самой. Руководить мною было всегда очень легко; для этого нужно было только постоянно предлагать мнѣ мысли безконечно лучшія и болѣе основательныя, чѣмъ мои собственныя. Въ такихъ случаяхъ я бывала послушна, какъ ягненокъ. Причина тому лежала во всегдашнемъ моемъ сильнѣйшемъ желаніи блага для государства; я имѣла счастье напасть на добрыя, истинныя начала; поэтому простекли отъ нихъ ошибки, въ которыхъ я не принимала никакого участія; произошли же онѣ, можетъ-быть, оттого, что мои предписанія не были исполнены въ точности. Несмотря на прирожденную податливость, я умѣла быть упрямой или настойчивой, назовите, какъ хотите, когда мнѣ казалось, что это было необходимо; я никогда не была злопамятной, ибо Провидѣніе поставило меня въ такія условія, что мнѣ не изъза чего было помнить зла противъ отдѣльныхъ лицъ, и я находила, что взвѣсивъ все по справедливости, стороны не равны. Я вообще люблю справедливость, но держусь того мнѣнія, что строгая справедливость не есть справедливость и только милосердіе подъ силу человѣческой слабости. Но во всѣхъ случаяхъ я отдавала предпочтеніе челоуѣчности и снисходительности къ челоуѣческой природѣ передъ правилами, суровость коихъ мнѣ часто казалась недоразумѣніемъ; къ этому приводило меня мое собственное сердце, которое считаю кроткимъ и добрымъ. Когда старики проповѣдовали мнѣ строгость, я, заливаясь слезами, признавалась имъ въ своей слабости и выдвала такихъ изъ нихъ, которые со слезою въ глазу присоединялись къ моему мнѣнію. По природѣ я весела и откровенна, но я слишкомъ много прожила на свѣтѣ, чтобы не знать, что существуютъ люди мрачнаго настроенія духа, нелюбящіе веселья и что не всѣ умы могутъ совмѣстить правду съ откровенностью. Прощайте!

Екатерина.

